

На переломе — эпизод 16 из 27

Над слабейшим можно было не только форсить, но можно было и забываться, и Буланин весьма скоро уразумел разницу между этими двумя действиями. Форсила редко бил новичка по злобе или ради вымогательства и еще реже отнимал у него что-нибудь, но трепет и замешательство малыша доставляли ему лишний раз сладкое сознание своего могущества.

Эй, молодой человек, псст!.. Молодой человек, пожалуйста сюда! окликает форсила новичка, который в длинный осенний вечер бесцельно бродит по зале и с тоской заглядывает через запотевшие окна в холодную непроницаемую тьму.

Новичок вздрагивает, оборачивается, неуверенно подходит к рослому второкласснику и останавливается молча в двух шагах от него.

Хочешь орешков, малыш? спрашивает форсила.

Новичок молчит. Он предчувствует, что орехи, предложенные ему так внезапно, неудобоваримы.

Ну, чего рот разинул? Корова влетит. Хочешь орехов, я тебя спрашиваю?

Я... не знаю... бормочет, заикаясь, новичок.

Не знаешь, так надо попробовать... Держи пошире карман: раз орех! два орех!

Три, четыре...

Форсила методически щелкает малыша в лоб, пока у того на глазах не выступят слезы.

Довольно? Накушался? Ну, а теперь для пищеварения не хочешь ли на скрипке поиграть?

И на этот раз, не дожидаясь согласия малыша, он берет в руку последние суставы его пальцев и, поочередно нажимая на них, заставляет импровизированную скрипку гримасничать и взвизгивать от боли.

Хорошая скрипка, говорит он, оставив, наконец, в покое руку новичка. Ты ее береги, братец: это скрипка дорогая...

Но форсила все это проделывает не изо всех сил и не со зла, потому что сейчас же он совсем добродушным тоном спрашивает:

Послушай-ка, малыш, а ты знаешь какие-нибудь истории?

Что? удивляется и не понимает новичок.

Умеешь ты рассказывать какие-нибудь истории? Ну... там... про разбойников или про войну... про дикарей тоже есть хорошие повести...

И вот форсила ложится на подоконник и закрывает глаза, а новичок стоит в это время около своего случайного повелителя и рассказывает, вспоминая читанное или изобретая из своей головы занимательные эпизоды. Едва он

замолчит, как повелитель спрашивает полусонным голосом:

А дальше?

Гораздо страшнее для первоклассников (кроме второгодних: этих не только не трогали, но, в память прошлого года, позволяли им даже заходить во второй класс) были забывалы. Их насчитывалось меньше, чем первых, но вреда они причиняли несравненно больше. Забывала, изводя новичка или слабенького одноклассника, занимался этим не от скуки, как форсила, а сознательно, из мести или корыстолюбия, или другого личного мотива, с искаженной от злости физиономией, со всей беспощадностью мелкого тирана. Иногда он по целым часам мучил новичка, чтобы выжать из него последние, уцелевшие от расхвата жалкие остатки гостинцев, запрятанные где-нибудь в укромном уголке. Шутки забывалы носили жестокий характер и всегда оканчивались синяком на лбу жертвы или кровотечением из носа. Особенно и прямо-таки возмутительно злы были забывалы по отношению к мальчикам, страдающим каким-нибудь физическим пороком: заикам, косоглазым, кривоногим и т.п. Дразня их, забывалы проявляли самую неистощимую изобретательность. Но и забывалы были ангелами в сравнении с отчаянными, этим бичом Божиим для всей гимназии, начиная с директора и кончая самым последним малышом. Удивительно, какими только путями, вследствие каких причин и уродливых нравственных воздействий мог сложиться этот безобразный тип! Вероятнее всего, он остался как печальное и извращенное наследие прежних кадетских корпусов, когда дикие люди, выросшие под розгой, в свою очередь розгой же, употреблявшейся в ужасающем количестве, подготавливали других диких людей к наилучшему служению отечеству; а это служение опять-таки выражалось в неистовой порке подчиненных... И такое предположение о происхождении отчаянных тем более справедливо, что сами отчаянные изредка называли себя закалами или закаленными термин, как свидетельствуют мемуары николаевских майоров, возникший в корпусах именно в первой половине прошлого столетия, в эпоху знаменитых суббот, когда героем считался тот, кто назло начальству без малейшего стога выдерживал сотни ударов.

Прежде всего отчаянные выделялись от товарищей наружностью и костюмом. Панталоны и пиджак у них всегда бывали разорваны в лохмотья, сапоги с рыжими задниками, нечищенные пуговицы позеленели от грязи... Чесать волосы и мыть руки считалось между отчаянными лишней, пожалуй даже вредной, роскошью, бабством, как они говорили... Кроме того, так как отчаянный принадлежал в то же время к страстным игрокам, то правый рукав пиджака у него был постоянно заворочен, а в карманах всегда бренчали десятки пуговиц и перьев.

Воспитатели побаивались отчаянных, потому что отчаянный никому не спускал.